
М. К. КУДРЯВЦЕВ
•
ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

Институт этнографии Академии наук СССР готовит к печати том «Народы Индии» из серии «Народы мира». В связи с подготовкой этой книги, характеризующей культуру и быт многочисленных народов Индии, профессору А. М. Дьякову и мне было поручено на месте, путем личных наблюдений и консультаций с индийскими учеными, проверить, насколько наши материалы соответствуют современному положению вещей.

Решено было начать с обследования наиболее неясного для нас в этническом отношении штата Уттар-Прадеш, а затем предпринять большую поездку через Бенарес в Бенгал и Ориссу и по основным штатам Южной Индии. Предполагалось также посетить важнейшие этнографические учреждения и встретиться с ведущими индийскими учеными.

Прежде всего об этнографической науке.

В Индии нет единой центральной научно-исследовательской организации, подобной нашей Академии наук. Есть отдельные научные учреждения и общества, но основными научно-исследовательскими центрами, особенно по гуманитарным дисциплинам, являются университеты. При некоторых университетах есть антропологические отделения, которые наряду с учебной ведут обычно исследовательскую и научно-организационную работу по этнографии, антропологии и фольклору.

Несмотря на большое число научных учреждений, за два-три последних десятилетия в Индии почти ничего не сделано по этнографическому изучению крупных, основных ее народов. Усилия индийских ученых направлены на изучение преимущественно отсталых племен и малых народов.

Антропологическое отделение Делийского университета занимается изучением населения северной части штата Уттар-Прадеш и пригималайских районов Пенджаба. Эта работа ведется как преподавателями и научными сотрудниками отделения, так и лицами, готовящими магистерские диссертации по антропологии и этнографии. От каждого соискателя ученой степени требуется опыт самостоятельной полевой работы. Как правило, магистерские диссертации пишутся на основании собственных материалов.

Студенты антропологического отделения обязательно проходят полевую практику. Кроме того, для изучения материальной культуры при отделении создан учебный музей. Такие музеи существуют и при антропологических отделениях других индийских университетов. Периодически, два раза в год, отделение выпускает журнал «Anthropologist», в котором освещаются предварительные результаты полевых исследований и ставятся некоторые теоретические вопросы. Отделение участвует в работе Всендийского общества друзей отсталых племен (Bharatiya Adimjati Sevak Sangh) и в издании его журнала «Лесные племена» (Vanujati). Руководитель антропологического отделения Делийского университета доктор Бисвас (Р. С. Biswas) является одновременно редактором этого журнала. В работе Общества друзей отсталых племен, как и в журнале Vanujati, принимают участие аналогичные общества в отдельных штатах и виднейшие индийские антропологи и этнографы. Самой проблеме экономического и культурного развития отсталых племен в современной Индии придается большое значение. Председателем Общества друзей отсталых племен является президент Индийской республики Раджендра Прасад.

Крупным научно-исследовательским центром в области антропологии и этнографии является антропологическое отделение университета в Лакнау, руководимое выдающимся индийским ученым, профессором Д. Н. Маджумдаром. Кроме разработки общетеоретических вопросов своей науки, ученые Лакнау занимаются изучением населения штата Уттар-Прадеш и соседних областей и ведут большую практическую работу в области антропологии и этнографии. Так, например, помимо других работ, проф. Маджумдар, как антрополог, исследует проблему соотношения групп крови и способности организма вырабатывать иммунитет к инфекционным заболеваниям. Практическая работа в области этнографии, или «социальной антропологии», как называют эту науку в Индии, выражается в консультациях и помощи государственным органам при организации так называемых «общинных проектов» и других социально-экономических преобразованиях в районах со сложным этническим и социальным составом населения.

Следует отметить, что индийские этнографы вообще широко и активно привлекаются к сотрудничеству с государственными органами при проведении подобных практических мероприятий.

Проф. Маджумдар познакомил нас с установившимся у них методом обработки и хранения полевых материалов. Материалы полевых исследований сразу же подвергаются предварительной обработке, систематизируются и поступают в общую картотеку, доступную для всех интересующихся. Этот опыт полезно было бы перенести в некоторые наши этнографические и археологические учреждения, где полевые материалы иногда годами являются монополией автора и становятся доступными в архивах уже тогда, когда они устаревают.

При антропологическом отделении университета в Лакнау имеются лаборатории, музей и библиотека. Совместно с Обществом этнографии и народной культуры отделение издает журнал «Eastern Anthropologist» — одно из основных периодических изданий по этнографии Индии.

Проф. Маджумдар предложил нам сделать сообщение в собрании профессоров и аспирантов. Слушать нас пришли профессора и аспиранты не только антропологического, но и других гуманитарных отделений. А. М. Дьяков рассказал о социалистических преобразованиях у народов Средней Азии; темой моего выступления была организация и проблематика этнографических исследований в Советском Союзе. Аудитория проявила большой интерес к нашим сообщениям. Из вопросов и выступлений выяснилось, что хорошо осведомленные о состоянии мировой науки индийские ученые имеют слабое представление о работе советских коллег. Под аплодисменты собравшихся было принято пожелание, чтобы возможно больше трудов советских ученых, не только по этнографии, но и по другим областям знания, систематически переводилось на английский язык.

Много внимания уделили нам этнографы и антропологи Калькутты — преподаватели университета, сотрудники Азиатского общества, Статистического института, Национальной библиотеки, Индийского музея и другие.

Антропологическое отделение Калькуттского университета, которым руководит профессор К. П. Чаттопадхья, уже много лет ведет систематическое изучение населения Западного Бенгала, народов Ассама и Чхота-Нагпура (южной части штата Бихар). Профессор Чаттопадхья и его сотрудники опубликовали много работ по этнографии, антропологии, искусству и фольклору народов мунда, санталов, кхаси, гаро и др. Нам были вручены многие из этих работ. Кроме того, мы получили подробную библиографию — списки трудов каждого сотрудника антропологического отделения. В Калькуттском университете мы осмотрели также библиотеку, археологический музей, где познакомились с памятниками древней культуры бенгальцев, и общежитие студентов одного из колледжей.

К сожалению, нам не удалось посетить антропологическое отделение Мадрасского университета, в котором сосредоточено изучение народов Южной Индии, и Антропологическое общество в Бомбее — старейшее этнографическое учреждение страны.

Мы побывали во многих музеях Индии. Наиболее интересным в этнографическом отношении является антропологический отдел Индийского музея в Калькутте. Хотя собственно этнографическая экспозиция отдела была закрыта на реконструкцию, мы имели возможность познакомиться с работой этого отдела, благодаря любезному содействию директора его доктора Н. Датта-Маджумдера.

Антропологический отдел Индийского музея ведет активную научно-исследовательскую работу и в этом отношении не уступает университетам и другим научным учреждениям. Здесь мы видели хорошо оборудованную антропологическую лабораторию, рентгеновский кабинет, статистическую лабораторию, лабораторию звукозаписи, где изучается устное народное творчество, и большую библиотеку. Достаточно сказать, что эта строго специализированная библиотека получает периодические издания из всех стран мира и что русская этнографическая литература представлена в ней лучше, чем в какой-либо другой библиотеке Индии. Антропологический отдел издает журнал «Bulletin of the Department of Anthropology», где печатаются работы его сотрудников и других индийских этнографов и антропологов. В журнале есть хороший библиографический раздел, в котором систематически даются обзоры антропологической и этнографической литературы за определенный период.

Директор отдела доктор Датта-Маджумдер является советником индийского правительства по антропологии. С ним мы обсуждали некоторые общие этнографические проблемы и вопросы этнографии народов Чхота-Нагпура, которой он лично занимается. При расставании доктор Датта-Маджумдер подарил нам свою монографию по санталам, несколько номеров журнала и составленную сотрудниками отдела карту племен Индии.

* * *

По времени и условиям командировки мы не имели возможности специально заниматься изучением быта сельского и городского населения. Но за два с половиной месяца пребывания в Индии нам удалось посетить более двадцати городов и видеть деревни в разных частях страны.

Первым индийским городом, с которым мы познакомились, был Дели. Как многие другие города континентальной части страны, Дели делится на старый и новый город.

Старый Дели, окруженный районами новой застройки, оказался теперь в центре индийской столицы. Узкие, часто кривые улицы застроены двух- и трехэтажными домами, в которых живет делийская беднота. Жилые помещения в домах старого Дели располагаются обычно на вторых и третьих этажах, а первые сплошь заняты магазинами, лавками мелких торговцев, мастерскими ремесленников и харчевнями. Кое-где в старом Дели встречаются особняки крупных торговцев и бывших помещиков, а также казенные здания, построенные в прошлом веке. Но чаще в этом районе города, особенно под старыми городскими и крепостными стенами, вдоль полотна пересекающей город железной дороги и на пустырях, можно видеть целые поселки, состоящие из лачуг, сделанных из битого кирпича, досок от ящиков, старой жести, циновки и тряпья. Здесь живут чернорабочие, строители, дорожники и просто нищие. Такие же поселки образуют в городе многочисленные в Индии цыганские таборы.

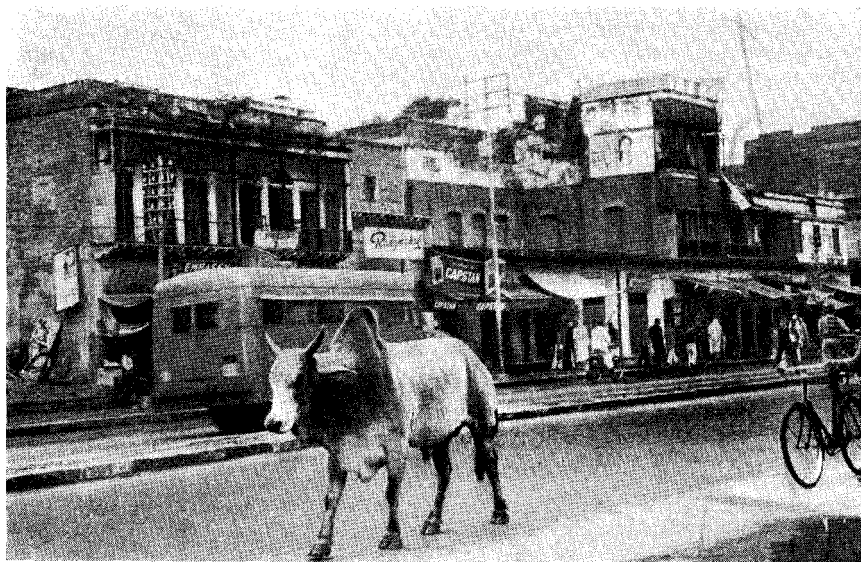

Рис. 1. На улице в Дели

Живописны улицы-базары старого Дели. Лавчонки обычно маленькие, и в них до предела тесно. Подчас даже продавцу не остается места, и он восседает прямо на грудах своего товара, будь то ткани, металлическая посуда или фрукты. Каждый торговец хочет выставить на показ покупателю весь ассортимент своих товаров, а места для этого нет. Образцы товаров вывешиваются прямо на улице перед лавкой. Когда вы проходите узкой торговой улицей, над вами и вокруг вас полощутся разноцветные ткани, сари, платки; гирляндами висят браслеты, ожерелья и другие украшения; висят пирамиды блестящей латунной посуды. Вас окружает пестро одетая толпа. Торговцы зазывают покупателей в свои лавки, что-то предлагают и почти насильно что-нибудь примеряют. Приказчики и агенты разных фирм снабжают рекламными листками и визитными карточками. Ремесленники стучат молотками по звонкой латуни; другие, сидя прямо на тротуаре, плетут из травы и тростника корзины и циновки; третьи строчат на швейных машинах. Владельцы харчевен, носящих громкие названия «ресторан» или «кафе», на глазах у потребителя выжимают сок из сахарного тростника, приготавливая сладкий напиток, месят тесто и на чадящих растительным маслом сковородах пекут и жарят всякие лакомства. В уличной толпе ходят священные коровы, подбирая апельсиновые и банановые корки и выжимки сахарного тростника. Сквозь толпу, непрерывно звоня, с трудом ходит трамвай. Улица оглашается криками извозчиков и разносчиков, звонками велосипедистов, гудками моторкиш и автомобилей.

Таков старый Дели, и в этом отношении он является типичным представителем индийских городов.

Иное дело новый Дели — это столица, город, не похожий на другие индийские города. Широкие, прямые и чистые улицы его обсажены крупными деревьями и представляют собой сплошные аллеи. Дворники и специальные подметальщики, в большинстве принадлежащие к одной из низших каст (бханги), следят за чистотой улиц, подметают и поливают их, разбрызгивая воду из бурдюков, носимых за спиной.

Большинство жилых построек одноэтажные. Сами дома не всегда видны с улицы, так как стоят они в глубине двора, окруженные зеленью. Есть в новом Дели целые кварталы казенных многоквартирных домов. Большинство их также одноэтажные, но зеленых насаждений вокруг них меньше. Многоэтажные здания в Дели — это, как правило, административные и коммерческие учреждения. Но постройки этого типа немногочисленны и не характерны для Дели.

Основными видами городского пассажирского транспорта являются тонги — двухколесные четырехместные повозки, в которые запрягается небольшая индийская лошадка, и моторикши, или пхат-патия, как звукоподражательно называют их делийцы, т. е. четырех- или двухместные коляски, прикрепленные к мотоциклу или мотороллеру. Ни в одном городе Индии мы не видели такого количества моторикш. Много в Дели автомобилей-такси. Большинство шоферов такси — сикхи, уроженцы Панджаба.

Одноэтажный Дели так широко раскинулся, что наличный городской транспорт не в состоянии обслужить население. Вот почему перед началом рабочего дня и после окончания работы многие улицы Дели буквально запружены велосипедистами и

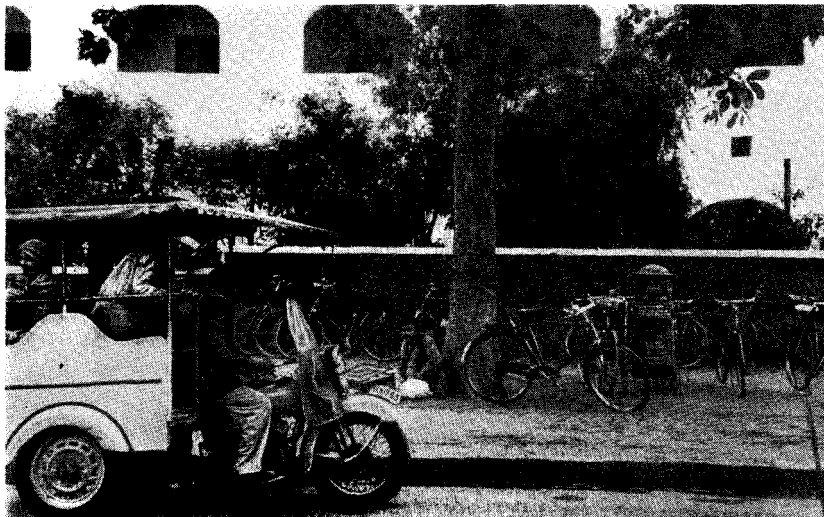

Рис. 2. Моторикша на улице Дели

пробраться на каком-нибудь другом транспорте невозможно. Это рабочие и мелкие служащие обоих полов и всех возрастов едут на работу или возвращаются домой. А днем около каждого учреждения, во дворе или вдоль тротуаров, стоят никем не охраняемые сотни велосипедов.

Мало в Дели грузовых автомашин. По ночам и рано утром по улицам города тянутся бесконечные обозы тяжело груженных телег, запряженных парой быков или буйволов. Это везут в столицу продовольствие и другие продукты сельскохозяйственного производства.

Уже в Дели мы обратили внимание на необычайное разнообразие одежды индийцев. Именно здесь, в столице, можно встретить представителей разных социальных слоев и разных народов страны. Здесь и крестьяне из соседних районов Уттар-Прадеша, одетые в дхоти и рубашки навывпуск, и бородатые сикхи в своих тюрбанах, и государственные чиновники в шервани (род сюртука) или домотканых безрукавках и пайджама (узких белых штанах). Многие мужчины одеты по-европейски.

Особенно пестры и красочны наряды женщин. Большинство их носит традиционное сари самой разнообразной расцветки. В Дели распространена и панджабская форма женской одежды, состоящей из длинной рубашки с разрезом по бокам (камиз), широких штанов (шальвар) и шарфа (чадар) на плечах. Многочисленные в Дели раджастханки и цыганки вместо сари носят длинные широкие юбки и кофты с рукавами, тоже ярких цветов.

Почти все женщины в Индии носят более или менее обильные украшения, причем браслеты и кольца принято носить и на руках и на ногах, а серьги разных размеров и формы носят не только в ушах, но и в носу. И надо признать, что маленькая жемчужинка, или другой драгоценный камешек на крыле носа отнюдь не безобразит лицо, но большие, размером с ручной браслет, кольца раджастханок или крупные, свисающие на рот серьги тамилки едва ли способны украсить даже самое привлекательное лицо.

Из Дели мы сделали несколько выездов в районы штата Уттар-Прадеш — Мерат, Агру, Лакнау, Деобанд.

Агра, вместе с расположенным поблизости от нее городком Фатехпур-Сикри, является своеобразным заповедником замечательных памятников средневековой архитектуры времен расцвета империи Моголов (XVI—XVII вв.). В Лакнау большой интерес представляют исторические памятники XVIII в. и памятные места сражений повстанцев с английскими войсками во время восстания 1857 г. В Лакнау нам удалось побывать и в частных домах, наблюдать быт городского населения, что для этнографа особенно важно. Целью поездки в Деобанд было посещение медресе Дарул-Улум, являющегося одним из крупных центров мусульманского образования и со времени основания (1867 г.) бывшего центром мусульманской оппозиции английскому господству.

В Мерате нам удалось посетить колледж, побывать в гостях у одного из друзей Советского Союза — профессора Шастри и при его любезном содействии совершить поездку в деревню, осмотреть электростанцию на Большом гангском канале и сахарный завод на окраине Мерата.

Деревня, которую мы посетили, была типичной для северных районов штата Уттар-Прадеш. Большая часть построек сделана из кирпича или глинобитным спосо-

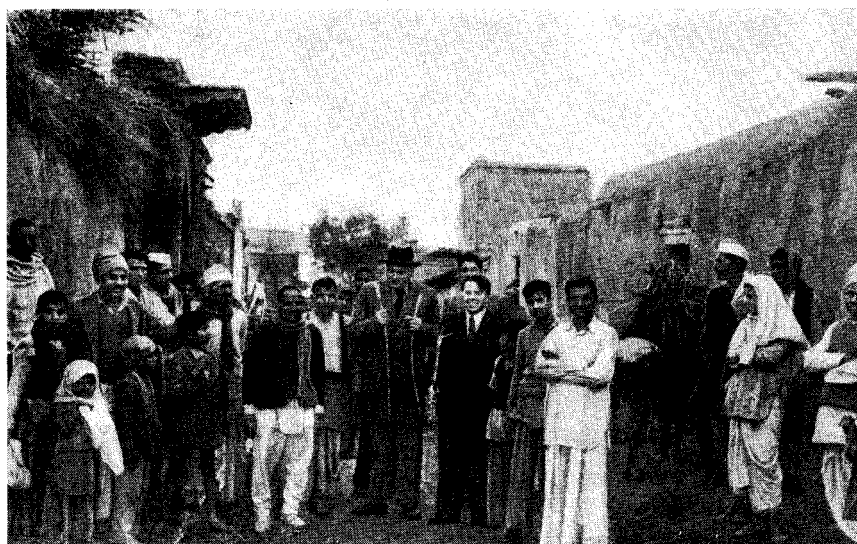

Рис. 3. Советские индологи среди населения деревни Джани Хурд близ Мерата

бом. Крыши плоские. Внешне деревня напоминает среднеазиатский кишлак. Крестьянские дворы стоят вплотную один к другому и представляют собой прямоугольные участки размером 15—20 м по каждой стороне, отделенные один от другого задними стенами жилых и хозяйственных построек, обращенных выходами во внутренний дворик. Вся жизнь семьи протекает в этом дворике. Жилое помещение, часто однокамерное и обычно темное, служит больше для укрытия от жары и непогоды, для хранения домашней утвари и семейного имущества. На веранде, образованной выступающей кровлей жилого помещения, семья принимает пищу, здесь же спят на низких деревянных кроватях или просто на циновках и паласах, положенных на полу.

Крестьяне радушно нас встретили, охотно показывали свои дома и рассказывали о себе.

В деревне насчитывается около 3 тысяч жителей. Мы обратили внимание на то, что, несмотря на размокшие и грязные от дождей улицы, во дворах, в жилых помещениях и даже в хлевах было чисто. Открытые колодцы заменены колонками-помпами. Такие помпы установлены и во многих дворах. В индийских условиях это существенное улучшение быта. В деревне имеется средняя школа. Проведено электрическое освещение, хотя еще не во все дома.

Оказывается, эта деревня входит в так называемый «блок развития» (Development Block), и мы имели возможность видеть первые плоды осуществления общинных проектов преобразования индийской деревни.

На примере электростанции и сахарного завода нам представился случай наблюдать, как современная машинная техника внедряется и на небольших предприятиях — районного значения. В турбинном корпусе электростанции было всего три человека, наблюдавших за работой агрегатов четырех действующих турбин. И вообще всю электростанцию обслуживало несколько человек. На сахарном заводе все производственные процессы, кроме загрузки сырья и выгрузки готовой продукции, также механизированы.

Прежде чем покинуть Дели и начать большую поездку по стране, мы побывали на приеме в Министерстве просвещения, где изложили наши задачи и планы. То и другое было одобрено, и нам была предоставлена полная свобода передвижения и выбора маршрутов.

Из Дели поезд доставил нас в Бенарес.

Пассажирские вагоны в индийских поездах подразделяются на три класса, и сверх того имеется еще один самый комфортабельный с кондиционированным воздухом. Обычно отдельные купе изолированы, и вход в них — прямо с платформы. Часто в одном вагоне есть купе разных классов. Купе второго и третьего класса почти всегда переполнены.

Раньше на железных дорогах для «низших» каст часто отводились отдельные вагоны или купе. Мы этого уже не видели. Однако и теперь в поездах есть отдельные купе для женщин. В большинстве случаев женщины ездят по железной дороге в сопровождении родственников-мужчин — и в этом случае в общем купе. Все железнодоро-

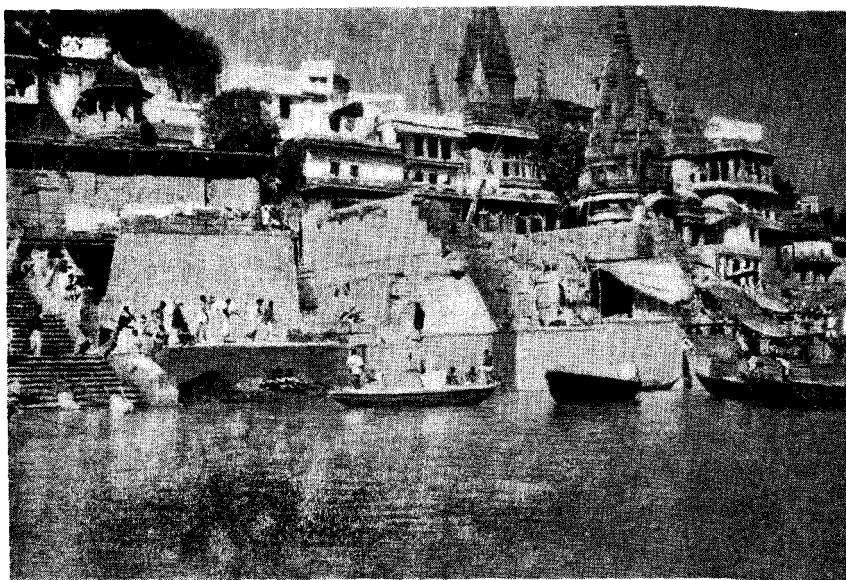

Рис. 4. Бенарес. Храмы и место сожжения трупов на берегу Ганга

рожные служащие — мужчины, и нам не приходилось видеть исключения из этого правила.

Приятное впечатление оставляет опрятный вид большинства железнодорожных станций, особенно на юге. Но они необычайно людны. С приходом поезда на станции поднимается невероятный шум. Это разносчики сигарет, бетеля, чая, фруктов и всяких съестных припасов проходят вдоль вагонов, громко рекламируя свой товар. На передвижных тележках-буфетах, особенно в Северной Индии, можно видеть настоящие самовары, которые так и называются — самвар. Как правило, все торговцы на станциях — мужчины, большинство буфетчиков — индусы высших каст, так как у представителя «низшей» касты далеко не каждый пассажир станет покупать съестное.

Бенарес — один из древнейших культурных центров Индии. В городе есть большой университет, несколько научных обществ, кинотеатры и другие культурные учреждения. Есть и такие черты современной культуры, как неоновое освещение, бесчисленные вывески и рекламы на английском языке. Но узкие кривые переулки, мрачные храмы, дымящиеся погребальные костры на берегу Ганга, — все это осталось неизменным со времени далекого средневековья, и кажется, что столетия прошли мимо этого города.

Бенарес — религиозный центр индусов, священный город, и стоит он на берегу священного Ганга. В нем около 1500 храмов. Со всех концов страны стекаются сюда паломники, чтобы помолиться в древних храмах, искупаться в священной реке, исцелиться от болезней, смыть грехи и унести с собой за сотни километров кувшин святой воды. Множество факиров, йогов, садху стараются различными способами добыть себе средства существования в этом городе. Одни из них, обнаженные и осыпанные прахом, сидят часами в застывших позах, другие проделывают невероятные эксперименты с собственным телом, чтобы обратить на себя внимание толпы, прослыть святыми и получить бахшиш (подавание).

На Ганге мы видели знаменитые гхаты — места на набережной, где правоверные индусы совершают омовения в священной воде, т. е. просто моются, стирают одежду, прополаскивают рты, а страдающие какими-либо болезнями даже пьют эту воду. На двух гхатах происходило сожжение умерших. Родственники-мужчины приносят на носилках или привозят на лодке тело умершего и, дождавшись очереди, сжигают его на костре, а прах предают реке. Но родственники только присутствуют, а сожжение производят члены одной из «неприкасаемых» каст, образующие своеобразную корпорацию крематоров. Для них эта профессия является наследственной.

Мы побывали в индуистских, буддийских и джайнском храмах. Если буддийские, и особенно джайнский, храмы блещут чистотой, то большинство индуистских грязноваты и производят мрачное впечатление. В храме Дурги (Кали) посетителя сразу же окружают обезьяны, забегают вперед, просительно протягивают лапы, заискивающие смотрят в глаза и всеми манерами подражают профессиональным нищим. В так называемом Золотом храме прихожане возлагают гирлянды и осыпают лепестками цветов фаллический символ бога Шивы, возвышающийся из небольшого бассейна с водой; случается, что вошедшая в храм корова поедает эти жертвоприношения, и молящиеся расступаются перед ней.

Но было бы несправедливо утверждать, что все индуистские храмы производят такое впечатление. Храм Лакшми Нараян в Дели или храм Кали в Амбере идеально чисты. В том же Бенаресе есть храм-музей, где на полу, размером во всю площадь здания, сделана рельефная карта Индии, а на стенах написаны таблицы и тексты, дающие основные сведения из культурной истории Индии. Сооруженный по замыслу Ганди, этот храм предназначен для того, чтобы обратить религиозное чувство индусов не на поклонение богам, а на почитание славных деяний предков и усвоение некоторых фактов истории.

В Дели мне довелось присутствовать на собрании полурелигиозного — полуфилософского общества Рамакришны (Ramakrishna mission). Это — организация, призванная распространять основные философские и этические идеалы индуизма, очищенного от ритуала и брахманской ортодоксии. На еженедельные собрания общества стекается около полутора тысяч дельйцев, часто с детьми старшего возраста, чтобы послушать философские и дидактические лекции на темы, так или иначе связанные с современной жизнью. Лекция, на которой я присутствовал, состояла из чисто этических поучений, без всякой ссылки на божественные откровения и на авторитет религии, но с привлечением цитат из древней индийской литературы, которая правоверными индусами считается священной.

В этой связи следует заметить, что большинство грамотных индийцев вообще проявляет повышенный интерес к философии. Среди окончившей школу молодежи очень многие стремятся получить именно философское образование.

Калькутта не похожа ни на Дели, ни на Бенарес. Это — прежде всего приморский портовый город, хотя стоит он не на морском берегу, а на реке Хугли — одном из рукавов Ганга. Центральные улицы Калькутты широкие, но редко прямые. Застроены они многоэтажными домами, в большинстве европейского типа, но не новой архитектуры. За пределами центральных кварталов Калькутта производит впечатление чего-то среднего между старым и новым Дели. В ней почти нет тонг и моторикш, но зато много обыкновенных пеших рикш. Рикша везет одного — двух пассажиров, а случается, что и целую семью, и всегда бегом. Пешие рикши встречаются и во многих городах Южной Индии. В Калькутте есть трамвай, а также одно- и двухэтажные автобусы.

В Калькутте мы имели случай наблюдать веселый праздник в честь Сарасвати — богини мудрости, покровительницы ученых и поэтов. По всему городу почти в каждом большом доме и в учреждениях сооружались алтари в виде украшенной цветами и разноцветными полотнищами эстрады, на которую помещалось скульптурное, иногда в натуральную величину, изображение богини. Там, где это было возможно, перед образом Сарасвати совершалась пуджа — богослужение.

Мы присутствовали на пудже, организованной в саду Национальной библиотеки ее служачими. Перед скульптурой богини горели светильники и курились благоухания. Женщины, нарядно одетые, готовили овощи, фрукты и цветы для жертвоприношения. В качестве пурохитов (жрецов) выступали два молодых брахмана — служачие библиотеки. Один читал мантры (священные стихи), а второй повторял их и совершал обряды перед изображением богини. После чтения мантр и принесения жертв самой богине фрукты и овощи были поднесены всем присутствующим.

Вечером того же дня около алтарей Сарасвати устраивались концерты и народные развлечения. Мы присутствовали на таком концерте в Президентском колледже.

Еще более интересное зрелище предстояло на следующий вечер, когда статуи Сарасвати повезли на иллюминированных машинах, на разных повозках или понесли на руках топить в Хугли. Молодежь танцевала вокруг изображений богини, пела и с веселыми криками бросала статуи в воду. Тысячи зрителей Калькутты пришли посмотреть на это зрелище.

В Калькутте мы были приглашены на индусскую свадьбу. Гостей было более 100 человек, все это были представители бенгальской интеллигенции. Свадебный обряд совершался с соблюдением основных индусских традиций. Любопытно, что во время свадебного пиршества многие гости ели мясо, приготовленное в виде рагу. Из этого можно заключить, что далеко не все индусы, во всяком случае горожане, вегетарианцы.

Орисса в экономическом и культурном отношении до сих пор считалась одной из отсталых областей Индии. Может быть поэтому она была также своеобразным заповедником индуизма. Прекрасные по архитектуре и высокохудожественные по скульптурной отделке храмы Бхуванешвара и Пури все еще служат прибежищем религиозного фанатизма. На дороге к храму Джаганнатха в пыли лежат голые факиры, водрузившие на свое тело громадные камни. Некоторые из них держат в руках горшок с тлеющими углями и то ставят его на грудь, то вновь берут в руки, стелая от боли.

Рис. 5. Часть храма Муктешвар в Бхуванешваре (Орисса)

Однако современную Ориссу мы видели не в храмах, а там, где живет и работает ее трудовой люд. Нам удалось побывать в орисской деревне. Как и большинство деревень в Ориссе, она стоит в пальмовой роще. Во дворах и в домах — чисто. На домашних алтарях мы видели не статуэтки богов, а небольшой куст священного дерева тулси. Жители чтят это дерево, считая его целебным. В деревне есть средняя школа и, как мы выяснили из расспросов, много грамотных.

В Южной Индии мы побывали во всех штатах и видели много городов и деревень. В Мехабалипураме близ Мадраса мы видели замечательные храмы и другие сооружения, вырубленные из отдельно стоящих цельных кусков скалы. В горах Нильгири мы посетили поселок племени тода. В Хайдерабаде осмотрели мало известный в самой Индии, но богатейший по собранию изделий художественных ремесел музей Салар Джанга. На пути из Хайдерабада в Бомбей специально остановились в Аурангабаде, чтобы посмотреть на с чем не сравнимые пещерные храмы Аджанты и Эллары.

С этнографической точки зрения на юге нас больше всего интересовал штат Керала.

Керала узкой полоской протянулась более чем на 500 км вдоль побережья Индийского океана на крайнем юго-западе Индии. Основная масса ее населения, представленная народностью малаяли, сосредоточена на самом берегу моря. Мы проехали вдоль всей южной половины штата и на всем этом пути тянулась как бы одна деревня, только местами превращавшаяся в города. Пальмовые рощи и целые леса чередуются с участками рисовых полей и живописными лагунами, глубоко уходящими в прибрежную равнину. Здесь нет больших массивов полей, и благосостояние населения зиждется не только на урожае риса и других зерновых, как в Северной Индии. Здесь растет в диком состоянии и культивируется несколько видов пальм (кокосовая, пальмировая, арековая и др.), выращиваются бананы, апельсины и другие фрукты, черный перец,

Рис. 6. Велорикша на улице Мадраса

тапиока; на склонах гор раскинулись чайные и каучуковые плантации. Море и многочисленные лагуны снабжают население рыбой. Это разнообразие пищевых ресурсов способствует тому, что неурожаи риса не сопровождаются здесь такими катастрофическими последствиями для населения, как в других частях Индии.

В культурном отношении Керала — передовая часть страны. Грамотность здесь в три раза выше средней по Индии. О тяге населения Кералы к знанию свидетельствует сравнительно большое число школ и колледжей, попадавшихся на нашем пути, обилие книжных лотков и разносчиков газет.

Мы были в Индии в период выборов в парламент и законодательные собрания штатов. И надо сказать, что в Керале больше, чем в других местах, мы видели красных флагов на домах, учреждениях и лавках сельских торговцев. Это компартия проводила свою предвыборную кампанию. Часто сельские лавки превращались в своеобразные агитпункты. Позднее мы узнали, что на выборах в законодательное собрание штата коммунисты получили большинство голосов и сформировали правительство штата.

Последним крупным пунктом в нашей поездке по Индии был Бомбей. Он производит впечатление наиболее европеизированного города Индии. Центральная часть Бомбея вообще мало чем отличается от любого крупного европейского города. Но многоэтажных зданий европейского типа много и в других районах. Знаменитая набережная Бомбея почти вся застроена домами современной западной архитектуры. Однако в Бомбее мы видели и рабочие кварталы с казарменного типа бараками, населенными, как уды.

Следует заметить, что рабочие поселки в новых промышленных районах, например в районе Коимбатора или Бангалора, производят совершенно иное впечатление по сравнению с бомбейскими окраинами.

На улицах Бомбея можно встретить представителей большинства народов многонациональной Индии. Об этом свидетельствует, в частности, разнообразие одежды населения. Но здесь больше, чем где-либо в Индии, мужчин, одетых в европейские костюмы, и женщин в европейских платьях.

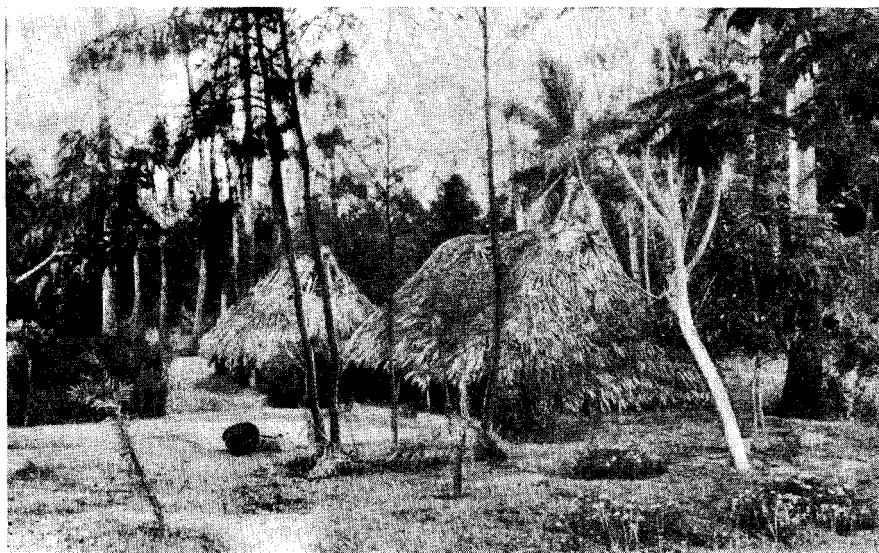

Рис. 7. Тамильская деревня близ Мадраса

Рис. 8. На улице в Барамуле

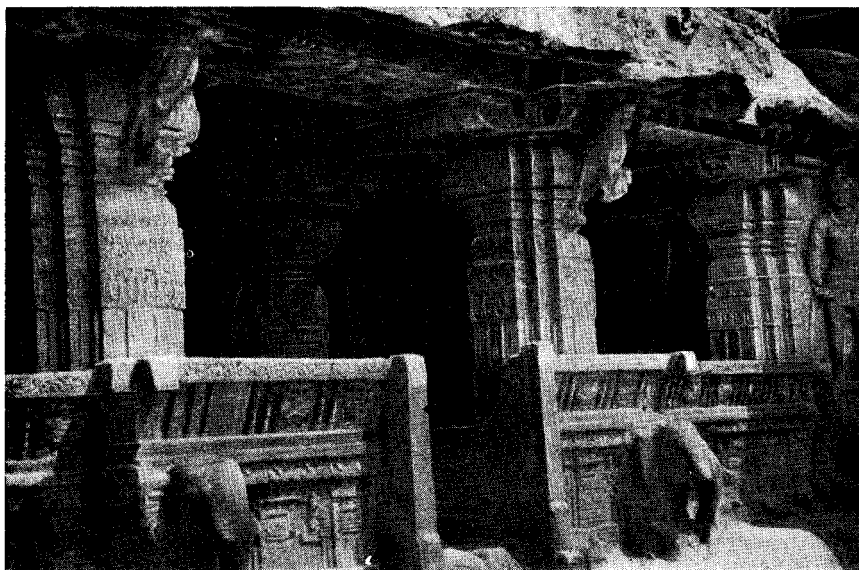

Рис. 9. Вход в один из пещерных храмов Эллары

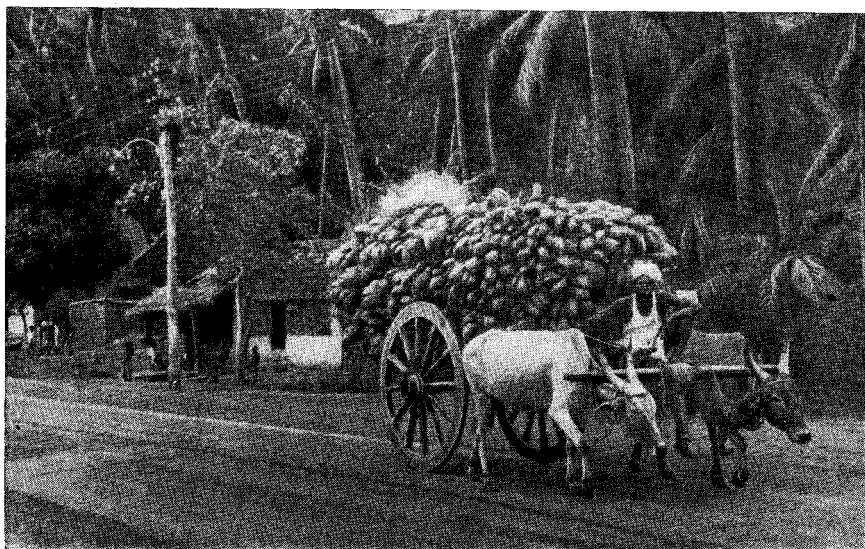

Рис. 10. На сельской улице в Керале

Рис. 11. Базар на улице в малаяльской деревне

Рис .12. Сельский дом малаяльцев близ Алеппи

Рис. 13. Набережная в Бомбее

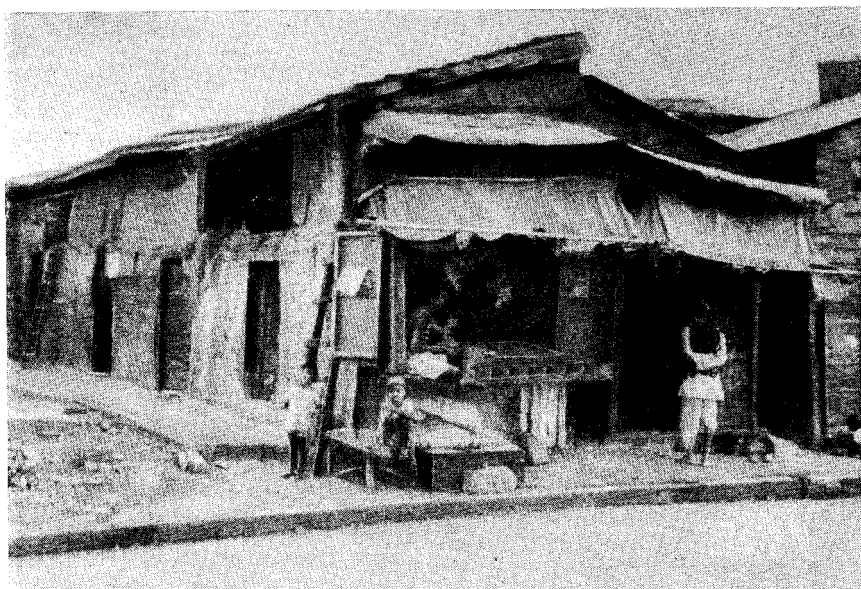

Рис. 14. На окраине Бомбея

По возвращении в Дели из поездки по южным штатам А. М. Дьяков отправился в Москву, а мне предстояло побывать в Раджастанхоне, Панджабе и Кашмире. В Раджастанхоне мне удалось посмотреть только город Джайпур, а в Панджабе провести два дня в Амритсаре. Наиболее интересной, хотя тоже непродолжительной, была поездка в Кашмир.

С Кашмиром нет железнодорожного сообщения. Самолетом я прилетел из панджабского города Патханкота в Дхамму, а дальше ехал автобусом. Единственная шоссейная дорога, соединяющая Кашмир с остальной Индией, пересекает западные отроги Гималаев и проходит по необычайно живописным местам. Если на юге мы изнывали

Рис. 15. Сельские постройки в Кашмирской долине

под палящим солнцем и купались в теплом, как парное молоко, океане, то путь в Кашмир лежал через покрытые снегом хребты, а дорога местами представляла собой коридор, прорубленный в многометровой толще снега.

Немногое в Кашмире напоминает Индию. Скорее он похож на горные районы Средней Азии. В кашмирских деревнях нет той скученности построек и густоты населения, какие наблюдаются в соседних областях Индии. Жилые постройки преимущественно двухэтажные, причем нижний этаж обычно отводится под хлев для скота. Внешний вид, одежда и быт кашмирцев также отличают их от других народов страны.

В экономическом отношении Кашмир все еще остается одной из отсталых областей Индии. Начатые после второй мировой войны аграрные преобразования еще не завершены. В отношении развития промышленности предпринимаются только первые шаги, главным образом в направлении укрупнения и механизации старых полукустарных предприятий. Официально правителем (садар-и-риясат) Кашмира все еще является юварадж (т. е. наследник) Каран Сингх — сын бывшего махараджи, в то время как в остальной Индии феодалы лишены политической власти.

Более половины всего городского населения Кашмира сосредоточено в его столице — Сринагаре. Сринагар и раньше был торговым и культурным центром Кашмира. Теперь, в связи со строительством нескольких шоссейных дорог внутри страны и развитием автомобильного сообщения, роль его значительно возросла. В Сринагаре есть несколько средних школ и три колледжа. Эти колледжи вместе с несколькими другими, расположенными в разных местах, составляют Кашмирский университет, основанный в 1948 г. В Сринагаре есть музей, интересный своими археологическими и историческими экспонатами, а также коллекциями разнообразных ремесленных изделий.

Как правило, кашмирцы еще мало знают о Советском Союзе. Но тем приятнее было констатировать исключения из этого правила. В библиотеке мужского колледжа я видел небольшое собрание русских книг в английском переводе, обложки которых были изрядно потрепаны. В галерее портретов корифеев мировой науки находится портрет В. И. Ленина. Оказалось, что мой добровольный гид — студент этого колледжа — читал Горького, Чехова, Пушкина, что он не только знает по именам наших крупных художников, композиторов и ученых, но знаком с их произведениями, в частности с некоторыми трудами Менделеева и Павлова.

* * *

Во время поездки по Индии мы имели возможность убедиться, что за годы независимости произошли изменения в быте сельского населения страны. В связи с проведением некоторых аграрных реформ, созданием общинных проектов и строительством новых ирригационных сооружений улучшается материальное положение крестьянства. Но для заметных сдвигов в этом отношении, по-видимому, нужны более серьезные аграрные преобразования. Нам не пришлось побывать на крупных промышленных предприятиях, но на примере электростанции и сахарного завода близ Мерата видно, что техническая отсталость преодолевается и в этих важных для Индии отраслях промышленности. Однако в хозяйстве и быте населения сохраняется еще много пережитков феодализма и колониального периода.

Особенно интересовали нас национальный вопрос и степень развития национального самосознания отдельных народов Индии. Мы убедились, что национальное самосознание уже высоко развито у большинства даже малых народов Индии. Особенно ярко оно проявляется, например, у таких народов, как бенгалцы, малаялы, кашмирцы. У бенгалцев оно выражается в любви к своему языку и бенгальской литературе, в уважении к своему историческому прошлому, в бережном отношении ко многим традициям и обычаям и даже в пристрастии к национальной, бенгальской форме одежды. Исключение из этого правила составляет население собственно Хиндустана, т. е. штатов Уттар-Прадеш, Бихар и части Мадхья-Прадеш. Как правило, жители Уттар-Прадеша осознают свою общность только в пределах какой-либо территориальной или административной единицы, общность касты или религии. Интеллигенция Хиндустана является носителем идей общендийского национализма и склонна рассматривать всякие проявления национальных стремлений отдельных народов как вредные сепаратистские тенденции.

В области общественных отношений нас интересовали кастовая проблема и сохранность кастового режима в современных условиях. Как общую тенденцию следует отметить сглаживание в последние годы кастовых различий и смягчение кастового режима. Конституция декларирует равенство всех каст перед законом, а кастовая дискриминация официально преследуется. Члены «низших» каст все шире втягиваются в те профессии, которые раньше были для них запретными, а представители «высших», привилегированных в прошлом каст включаются в самые разнообразные отрасли производства и общественной деятельности. Однако существуют еще неофициальное общественное мнение наиболее отсталых, реакционных, кругов индусов и неофициальные препоны для продвижения «низших» по социальной лестнице. Факты таковы, что ни один брахман не отдаст свою дочь замуж за человека, принадлежащего к одной из «неприкасаемых» каст. Представителей высших каст можно встретить среди коридорных и официантов в гостиницах или даже в качестве кули (носильщиков) на железнодорожных станциях, но совершенно исключена возможность встретить брахмана или каястху в роли подметальщика, сапожника или прачки — это традиционные профессии «неприкасаемых».

Еще английские власти в 1930-х годах провели регистрацию низших и «неприкасаемых» каст. Теперь эти касты официально именуются в Индии «зарегистрированными», или «учтенными», кастами (scheduled castes). Вместе с «зарегистрированными», т. е. отсталыми, племенами (scheduled tribes) они составляют все же особую категорию в индийском обществе, конституционно равноправную, а фактически стоящую ниже остальной, незарегистрированной части общества. Однако предоставление «зарегистрированным» конституционных прав само по себе является стимулом к борьбе за фактическое равноправие, и в ряде случаев эта борьба ведется успешно.

В заключение следует особенно подчеркнуть, что везде, где нам удалось побывать — в городах и деревнях, в общественных и научных учреждениях, в частных домах, будь то дома известных ученых, рядовых горожан или деревенских жителей, — мы встречали неизменно радушный прием, внимание и желание помочь. Всюду к нам относились, как к представителям дружественного советского народа и всюду проявляли огромный интерес к жизни нашей страны.